

К. Велики

РУМЫНО-РУССКАЯ ПОМОЩЬ, ОКАЗАННАЯ БОЛГАРАМ ЭМИГРИРОВАВШИМ В РУМЫНСКИЕ КНЯЖЕСТВА ВСЛЕДСТВИИ ВОЙНЫ 1828 — 1829

Эмиграция болгар от турецкого гнета, на север от Дуная, явление довольно частое, начиная от захвата Болгарии турками вплоть до периода русско-турецкой войны 1877—78 года.

Эта эмиграция принимает еще большие размеры, начиная со второй половины XVIII века вследствие грабежей, развития торговли или разных других причин. Главной причиной являются русско-турецкие войны, которые вызывали массовые эмиграции в Валахию, Молдову или на юг России. Переселение начинает увеличиваться еще до объявления войны, главным образом в области между Дунаем и Балканами, где производились работы по возведению укреплений, проведению военных дорог, по реквизициям, по перемещению войск и т.п. Оно возрастает при вступлении русских войск в Княжества, приобретает массовый характер при заключении мира и в связи с уходом русских войск и продолжается в более слабом темпе еще два-три года после окончания войн¹. Таким образом, во время русско-турецкой войны 1768—1774 г. число болгарских эмигрантов в России и в Валахии после Кучук-Кайнарджийского мира доходит приблизительно до 160.000 человек. Массовая эмиграция продолжается и после русско-турецкой войны 1787—1792 года, она возрастает, главным образом, во время следующей войны, а именно: 1806—1812 года. Только во время похода Багратиона бежало в Валахию через Дунай около Хыршева около 3.000 семейств².

¹ St. Roman ski i, *Българитѣ въ Влашко и Молдова* (Документы) Sofia 1930, стр. 2 (Болгары переходящие Дунай через 2 года после окончания войны 1792 г.)

² Цифра, кажущаяся нам преувеличенной, см. Михайловский - Данилевский. *Описание Русско-Турецкой войны* (1806 — 1812 г.) Петербург, 1843 г., I, стр. 207.

Массовые эмиграции происходят и во время командования генерала Кутузова. Одновременно с отходом его войск 635 семейств покинули Руцук и перешли в Валахию в июне 1811 года ³.

Массовая болгарская эмиграция на север от Дуная происходит еще раз во время русско-турецкой войны 1828-29 года. Начиная с зимы 1828 года и длительное время после заключения Адрианопольского мира, потоки эмигрантов устремляются в Валахию, Молдову, на юг России, через все дунайские переправы. Массовые переходы происходят, главным образом, через Калараш, Пиуйа Пьетрей и Браила, переселение достигает своего кульминационного пункта в период отступления русских войск. В то время 16.500 семейств покинули Болгарию, оставив пустынными села и города. По докладу самого Киселева тогда бежало в Валахию 6.283 болгарских семейства, из которых 2.042 вернулись обратно, а 4.241 осели в Княжествах ⁴.

Небольшое число беженцев в Валахии не создавало трудностей для румынских властей, которые селили их вместе с уже обосновавшимися, массовая же эмиграция времен войн усложняла положение дел. Решить эту проблему было не легко, требовалось во многих случаях вмешательство «Дивана» (Государственного юридического Совета) или самого господаря ⁵. Во время войны 1806—1812 года в этот вопрос вмешались русские генералы, и было даже организовано специальное отделение по вопросам южнодунайских беженцев. В период войны государственный советник А. Коронелли, «главный куратор» колонистов, работающий под началом Кутузова, развивает широкую деятельность в этом направлении ⁶.

Если во время войны 1806—1812 года, для болгар-беженцев не был полностью составлен «Устав об Оседлости», положение в корне изменяется во время войны 1828—29 года. Это происходит благодаря тому, что значительно увеличивается число эмигрантов, как было указано выше.

³ Михайловский-Данилевский *цит. оп.*, стр. 112

⁴ А. Рарадорол-Салимачи, *Generalul Pavel Kiselef*, Бухарест, 1887, стр. 40—84. Р. Константеску-Иаши, *Studii istorice romîno-bulgare*, Бухарест, 1956, стр. 13.

⁵ Смотри жалобу плештян, поданную господарю Николаю Каража, в которой они просят дать господарскую грамоту, защищающую их «от хулиган и всякого сброда в этом городе: сербов, влашчан и других иноземцев...» М. Севастос, *Monografia oraşului Ploeşti*. Бухарест (без указания года) стр. 837 (документы, опубликованные Дамияном Р. Богданом) см. и доклад, поданный господарю Ионом Бэлэчану и боярином второго ранга Михаилом Гречану относительно болгар, осевших после окончания войны 1792 г. (тоже стр. 863—4).

⁶ См. например, приказ Кутузова Коронелли относительно организации управления болгарскими колониями на левом берегу Дуная (док. № 419 от 2 апреля 1819 года) или письмо Кутузова митрополиту Гавриилу по поводу сбора зерна, необходимого для задунайских колонистов (док. № 578 от 16 июля 1811 года) в «Кутузов в Дунайских княжествах» (Собрание документов) Кишинев, 1943 год, стр. 87, 88, 337 и т. д.

В настоящей статье мы займемся лишь «Уставом об оседлости» для этих колонистов, а переход их в Княжества, их оседлость и другие вопросы, связанные с этой массовой эмиграцией являются темой другого труда.

Начиная с русско-турецкой войны 1806—1812 года, русские генералы, командующие войсками в Княжествах, придают особое значение болгарскому вопросу в широком смысле слова. В первую очередь ставится вопрос о добровольцах-болгарах, рекрутированных в Валахии, осевших здесь перед этой войной и предлагавших принять участие в военных операциях против турок. Во-вторых, поднимается вопрос о населении Болгарии, позиция которого влияет в большей мере на успех этих операций. Здесь интересно отметить, что во время войны 1806—1812 года русские генералы, как Багратион или Каменский, не поощряли восстания населения, как следовало бы ожидать, а наоборот, стремились удержать его в прежнем положении в целях снабжения русских войск⁷. К концу войны поднимается вопрос о принятии мер по отношению к болгарскому населению, помогавшему русским войскам, которому могли отомстить турки.

В русско-турецкой войне 1806—1812 года болгары из Румынских княжеств играли особо активную роль. Это объясняется тем, что здесь эмиграция стала силой, которая начала бороться за освобождение поработщенной родины в политическом и культурном направлении. В 1804 году болгары из Бухареста послали в Петербург двух делегатов: Атанасия Николаева и Ивана Замбина с ходатайством. К их ходатайству присоединился епископ Софроний из Врации, бежавший в Бухарест. Организуется отряд болгарских добровольцев. Епископ Софроний обращается с воззванием к болгарам на родине, а Анастасий Николаев, вернувшись в Бухарест, начинает работать в главном русском штабе. После войны русское командование берет под свое покровительство этих двух болгар-предводителей. В качестве депутата болгарского народа Атанасий Николаев ходатайствует перед русскими генералами об создании лучших условий жизни и для болгар, бежавших на север от Дуная⁸. Так объясняются меры, принятые «Диваном» в пользу болгарских эмигрантов, меры, которые были в силе вплоть до составления специального «Устава об оседлости», как мы указывали выше.

Во время войны 1828—29 года создается аналогичное положение. Александр Павлович, депутат болгарского народа, переходит в Болгарию следом за русскими войсками, будучи уверенным, что хотя бы часть болгарской территории освободится от турецкого ига. Как следствие докладных записок,

⁷ А. Петров, *Война России с Турцией (1806—1812 г.)* Петербург, 1885—1887. II, стр. 478—85.

⁸ С м. В. Н. З л а т а р с к и й, *Политическата роля на Софрония Врачански прѣз руско-турската война 1806—1812*. София, 1923.

поданных русскому командованию в Сумле и даже лично царю Николаю, создается первый проект свободного болгарского государства, который, однако, нельзя было провести в жизнь Адрианопольским договором. Одновременно Александр Палович является к императору Николаю в Варне и вручает ему докладную записку относительно положения болгар в Валахии⁹, для которых просит ряд привилегий. Эта докладная записка была послана графу Несельроде в Министерство Иностранных Дел и через него, как и через русское командование в Болгарии, было послано, вероятно, ходатайство к Киселеву для принятия необходимых мер.

И, действительно, уже с 1 апреля 1830 года генерал Киселев просит «Диван» принять спешные меры по устройству болгар, прибывших из Румелии. Общее собрание должно было принять экстерное решение и найти подходящие средства для обеспечения постоянного жительства этих людей. «Эта мера», — сказал Киселев, — во-первых предотвратит вред для общества размножения людей без занятий, а во-вторых, принесет самую большую пользу земле, возвратив этих людей земледелию»¹⁰. Согласно этому распоряжению «Диван» назначает 15 мая 1830 года чиновников в карантинные города Калараш, Пиуа Пьетрей и Браила¹¹, которые должны были принять беженцев, занести их в специальные регистры и передать их различным людям, посланных помещиками, с которыми они должны были договариваться о своем устройстве. Эти меры были приняты с некоторым запозданием, когда наибольший приток эмигрантов уже начался. Правда, «Диван» уже давно освободил эмигрантов от всех податей в течение 8 месяцев.

Условия, при которых болгары могли осесть, были по мнению Киселева, «условия, которые существуют для подобного рода положения в этом княжестве». Инструкции «Дивана» говорили о взаимном согласии с помещиками, добавляя однако, что «после этого будут приняты соответствующие меры согласно принятому уставу об оседлости для иностранцев»¹², что показывает, что вопрос об учреждении такого устава находился уже в обсуждении.

В Молдавии положение было значительно проще, т.к. единственным пунктом перехода болгар в это княжество был порт Галац.

На съезде молдавских «Диванов» было решено послать в Галац постельника Йордаке Куза с определенными инструкциями. Эмигранты после прохода через карантин сдавали оружие начальникам города, ручались один за другого в хорошем поведении, потом направлялись в имения или местности, где они хотели осесть или туда, где помещики хотели их принять. Эти пункты оседлости могли быть переменены

⁹ Романский, *цит. оп.* стр. 36—43.

¹⁰ Государственный Архив, Бухарест, *Visteria* дело 162/1830 фол. I

¹¹ Там же, фол. 15—16.

¹² Госуд. Архив Бухареста *Visteria* Дело 162/1830 фол. 67—68.

простым извещением властей, которые должны были составить специальные списки. Что же касается условий оседлости, а именно, « Устава об оседлости » как такового, Общее Собрание Молдавии назвало « Сокотинца », употребляя в то же время и термин « Регуламент (Устав) об Оседлости ». Эта « Сокотинца » была составлена казначеями Катаржи и Кантакузино 14 июня 1830 г.; подписан всеми известными боярами во главе с Митрополитом Веньямином, « опубликована повсеместно . . . для уведомления всех помещиков ».

« Сокотинца », собственно говоря, является базой для « Устава об Оседлости » 1830 г.), который был дан болгарам-беженцам Общим Собранием « Диванов » Рум. Государства.

Правда, обо всех этих мерах было доложено генералу Киселеву. Они получили соответствующее утверждение, а 2 июля 1830 г. вице-президент « Диванов » генерал-майор Дитрих обратился к Общему Собранию « Дивана »: Его Превосходительство находит эти меры полезными, как для беженцев, так и для помещиков; и для выполнения этого решения об обоюдных обязанностях, считает нужным дать этому ход, и беженцам, изъявившим желание осесть в Валацком княжестве¹³. Генерал приглашает « Общее Собрание Валахии » также составить соответствующие правила, « которые должны быть сообщены, как беженцам при переходе Дуная, так и помещикам » для выполнения и соблюдения их в будущем ».

Принимая на обсуждение молдавский « Устав об Оседлости », Общее Собрание « Дивана » Валахии выпускает в августе 1830 г. « Устав об Оседлости для болгар, пришедших в это Княжество из Румелии »¹⁴.

Рассматривая эти два « Устава » следует заметить, что освобождение от частичных или всех податей сроком на 3 года или 7 лет, предусмотренное в них было сделано под влиянием общих привилегий, полученных колонистами разных наций на юге России¹⁵.

Освобождение от податей в течение 3-х лет получили и болгарские беженцы, осевшие в Валахии вследствие русско-турецкой войны

¹³ Государственный Архив, Бухарест *Visteria* дело. 162/1830.

¹⁴ См. С. Velichi, *Așezămintele bulgarilor de la 1830* (текст) в « *Romanoslavica* », III, Бухарест, 1957 стр. 117 — 135.

¹⁵ Колонизационная политика Екатерины II (Манифест 1762—1763 год) продолженная Александром I-ым, привлекла в эту часть России многочисленных иностранных колонистов среди них и болгар. Первые колонии болгар возникли во второй половине XVIII века (1752г.). Они пополняются новыми потоками эмиграции до второй половины XIX века. Благодаря большим привилегиям, полученным колонистами, их число возрастает быстро. По Державину, который обобщает в своей работе, опубликованной в 1914 г., данные различных исследований, на юге Бессарабии в 1819 г. находилось 6.532 болгарских семейств, приблизительно, 24.000 человек. По указу от 29 декабря 1819 года они получают всякие привилегии и землю в Бужеак, а после большой эмиграции вследствие русско-турецкой войны 1828—1829 года, а именно в 1835 году, в этих местностях находилось 9.641 семейство, составляющее 55.630 человек.

1806—1812 года. Остальные условия, предусмотренные в «Уставе об Оседлости» 1830 года, отличаются от привилегий болгарским колонистам в России, где их социально-политическое положение резко отличалось от положения болгар в Молдове или Валахия. Сравнивая оба «Устава», наблюдаем следующее:

1. Что касается земли, полученной от помещиков, молдавские беженцы, имеют лучшие условия, что видно из следующей таблицы: Площадь дана

Земля, данная помещиками беженцам:

	Молдавия	Валахия
Место для дома с садом	2000 кв.м.	1500 кв.м.
Выпас	2,14 гект. для 5 голов скота	1,25 гект. для 5 голов скота
Луга	2,14 гект. для 5 голов скота	2,50 гект. для 5 голов скота
Пахотная земля	2,14 гект. для 5 голов скота	2 гект. для 5 голов скота

в гектарах алчя равно 14.322 кв.м.; а погон 5011 кв. м, квадратный сажень приблизительно 5 кв. в Молдове и 3,68 кв. м. в Валахии.

Как видно из вышеприведенной таблицы, место для дома, пахотную землю, и особенно, пастбище, — беженцы, осевшие в Молдове получили больших размеров, чем болгары в Валахии. Лишь площадь лугов с кормовыми травами в Мунтении слегка превышает Молдавскую. Вообще давалось на хозяйство в Молдавии 6.24 гектара, а в Валахии 5,90 гектара.

2. Что касается рабочих дней, которые беженцы должны были трудиться на помещиков, их положение одинаково в обоих княжествах: 24 дня в год — по 7 дней каждое время года, исключая зиму, когда работали 3 дня.

3. Значительное различие между двумя «Уставами» проявляется в том, что Молдавские «Уставы» устанавливают количество работы, которая, должна быть выполнена в один день, а в «Уставе» Валахии это отсутствует. В молдавском «Уставе» указывается в параграфах: б, г. д, е, ж, з, и, л, сколько они должны выполнить в один рабочий день различных видов работ, как: пахота, прополка, жатва, уборка кукурузы, сенокос и работы на виноградниках.

4. Интересно отметить, что кроме обязанностей, предусмотренных в обоих «Уставах», в Молдове беженцам добавляется работа по устройству

и ремонту плотин на мельницах, а также и обязательства помещиков предоставить беженцам для их хозяйства рабочий скот, разумеется за плату работой или деньгами в рассрочку на 3 года.

5. Как видно молдавский «Устав» более подробен. Он предвидит те же условия и для устройства болгар на монастырских землях. Что же касается поселения в городах, молдавский «Устав» предусматривает обложение такими же податями, как и местных торговцев. Эти два условия отсутствуют в «Уставе» Валахии.

6. Опять же молдавский «Устав» предусматривает, что недовольные этими условиями могут вернуться в Валахию или перейти в Бессарабию, но только до известной даты. Оставшиеся заключают сделки с помещиками, эти сделки будут закреплены «земельным и судебным правом».

В сравнении с положением крестьян в Молдавии «Устав» создает болгарским беженцам гораздо лучшие условия жизни. Земля, полученная ими в 1830 году, приблизительно соответствует тем земельным площадям, которые давались крестьянам Молдавии по законам Александра Морузи в 1805 году. Для местного же населения этот закон уже не существовал. «Регуламент Органик», который вошел в силу приблизительно через год со дня оседлости болгар, значительно уменьшил эту площадь. Этот новый закон не касался болгарских беженцев, которые имели свой специальный «Устав об Оседлости».

Что же касается обязательств беженцев по этим 12-ти дням в год, видим, что в Молдове указывается и количество работы необходимой для покрытия одного рабочего дня. Нужно заметить, что эти «нормы» не были завышены. Некоторые из них были даже необременительны. Например, считалось, что одна фальча земли должна быть вспахана в 6 дней, что вполне возможно. Также рассчитана и работа на один день по уборке кукурузы. Все же есть работы, на выполнение которых был дан малый срок. Так например, в сенокос, чтобы скосить, сложить в копны и превезти сено с одной «фальчи» земли, обычно требуется 8 дней, а «Устав» предусматривает только 4 дня. Все же сравнительно с тем, что требовалось от молдаванских крестьян, которые по подсчету Ксенополя, выполняли по закону 1805 года приблизительно 43 рабочих дня, беженцы находились в несравненно лучшем положении. Нужно еще раз подчеркнуть, что любое сравнение с законом Морузи не уместно. Положение следует сравнивать с тем, что было установлено «Регуламентом Органиком», который уменьшил количество земли для крестьян. Мы не должны забывать подсчет, сделанный Николаем Бэлческу, который без преувеличения устанавливает, как замечает Ксенополь, что число реальных

рабочих дней по «Регуламенту Органику» равнялось в Молдавии 84¹⁶. Приблизительно такое же положение было и в Валахии, где «Устав» предусматривает только количество дней, которые должны быть отработаны, но не определяет площадь, которая должна быть вспахана, прополота, сжата и т. п. в один рабочий день.

Не будем говорить о всех других обязанностях, тяжело ложившихся на румынского крестьянина, о которых с такой болью говорит Бэлческу в своем труде «Социальная реформа у Румын»¹⁷ и от которых были освобождены беженцы. В заключении следует заметить, что «Устав» создал болгарам более привилегированное положение по сравнению с положением местного населения.

«Устав» Валахии не касается положения ремесленников и торговцев в городах. Но известно, что они имели те же права, что и местное население в Молдавии, а именно: торговцы и ремесленники платили повсюду те же подати, как и местное население. Мы можем это доказать документально. Так, в декабре 1831 года Ион Слатиняну, градоначальник города Браила, обращается к Казначейству, прося разъяснения относительно тех болгар-торговцев и ремесленников, которые не желают платить за патенты под предлогом, что они освобождены от всех податей в течение трех лет. На это Казначейство ответило, что «Устав» относится лишь к беженцам-иностранцам, которые будут обрабатывать землю, то-есть к земледельцам и рабочим, ремесленники же и торговцы должны платить за патенты¹⁸.

В случае образования нового поселения, а именно, при основании нового местечка или города, как произошло в Александрии, или пытались сделать в Беряес (около Плоешти), тогда давались специальные привилегии.

В привилегиях, данных болгарам из Сливен, которые хотели построить новый город с названием «Новый Сливен», была разрешена в первую очередь покупка поместья Беряса. Болгары получают разрешение построить на земле этого поместья город, который будет называться «Новый Сливен». Собственно назвать его городом было претенциозно. Новое поселение было небольшим местечком, в котором жители занимались, как и у себя на родине, не только торговлей и ремеслами, но и земледелием. Все же они пользовались правами на освобождение от податей, представленных только беженцам-крестьянам на три, а потом на семь лет, а также были освобождены от уплаты налогов, которые платили торговцы. В привилегиях утвержденных «Дива-

¹⁶ N. Bălcescu, *Reforma socială la Români*, N. Bălcescu, *Opere* Бухарест изд., ЕСПЛА, 1952. 81, см. и Xenopol, *Istoria Românilor* изд. III, Бухарест, 1930, стр. 112—116.

¹⁷ N. Bălcescu, *цит. опус.* стр. 88 и след.

¹⁸ Государственный Архив, Бухарест, дело Ad. Noi. *Visteria* 1831—3201 фолио 85,

ном», не указывается, что ремесленники и торговцы должны платить налоги. Правда, четвертый пункт в привилегиях говорит, что при насаждении виноградников нужно платить «винный налог» 3 лея с погона, по уплате которого они имеют право продавать вино или виноград по своему усмотрению. Они также были освобождены от всех других случайных податей, которые тяжело ложились на местное население.

Другая большая выгода, предоставленная сливенцам из Берясы, было запрещение входа в их город сборщикам податей. Город управлялся старостой, выбранным беженцами, и лишь он имел право на сбор податей в установленный срок. Это устраняло с самого начала возможные злоупотребления, которые, конечно, сделали бы сборщики податей, как это они делали повсюду.

Горожанам разрешалось иметь один раз в неделю базар и две ярмарки в год, дату проведения которых назначал «Диван» с расчетом, чтобы она не совпадала с датой ярмарок ближайших местечек.

Горожане имели право строить свои жилища, церкви, больницы и школы. Наконец, привилегии предусматривают свободу беженцев в отношении возвращения в свою страну в любое время и право продавать свое хозяйство с соблюдением законов страны.

Здесь неуместно показывать, почему именно при всех этих благоприятных, поселение Беряса не удалось. Привилегии сливенцам были даны как специально показательные условия, которые предоставлялись в подобных случаях.

После трехлетней оседлости в 1834 году Казначейство Валахии довело до сведения всех болгар, поселившихся у нас после войны 1828—29 года, что окончился их трехлетний срок освобождения от уплаты налогов и, что начиная с этого времени, им надлежит уплачивать половину налога, установленного для земледельцев, а именно: 15 лей плюс 4 бани в сельскую кассу. Это «Извещение» является дополнением к «Уставу» 1830 года; в нем указывается, что в селах или хуторах, в которых число болгарских семей превышает 25 человек, должны быть выбраны старосты, которые будут ответственны за данные семейства. Там, где число болгарских семей меньше, плата будет производиться через земских начальников.

14 статей определяют права и обязанности выборных болгарских старост; каким образом они будут собирать и вносить денги, вести регистры и наказывать злостных неплательщиков, а также каким образом они будут производить Perezды и т.д.

Последующие три статьи с многочисленными параграфами указывают, как будут сохраняться и расходоваться деньги из общественных сельских касс и только лишь в конце добавляется статья, относящаяся к тем беженцам-земледельцам и рабочим, которые захотят заниматься торговлей или ремеслом, и в особенности, к тем, которые переходят на жительство в города.

Эти последние будут платить за торговые патенты и обязаны просить у уездных властей о выводе их из сословия земледельцев и рабочих с зачислением в категорию тех, которые имеют патент¹⁹.

Из всего вышесказанного следует заключение:

1) Болгары-земледельцы оседают на земле на основании «Устава об Оседлости».

2) Болгары-ремесленники и торговцы находятся в положении местных жителей той же категории.

3) Для особых случаев, как например Беряса, устанавливаются специальные правила об оседлости.

4) Соблюдение правил «Устава об Оседлости» связано со значительными привилегиями для колонистов; для них создаются более выгодные условия, чем для местных жителей. Поэтому в Молдавском «Уставе» особо подчеркивается, что все эти меры касаются лишь болгарских беженцев и ни в коем случае не применяются к жителям страны.

Кроме указанных выше выгод, необходимо подчеркнуть факт, что болгарам была дана возможность селиться там, где они хотят с обязательством лишь сообщать об этом местным властям, чтобы избежать повторной регистрации. Были предвидены и меры по отношению к тем, кто переедет без уведомления властей. Документы того времени показывают на целый ряд перемещений и переездов, которые сильно запутали статистику, но в то же время нам не известно ни одного случая применения наказания к переезжающим.

Оба «Устава» предвидят и возвращение болгар на родину в случае, если они захотят, и подобные случаи имели место по причинам, которые будут указаны ниже.

Необходимо также подчеркнуть свободу в области религиозного культа, которая предоставлялась колонистам и давала им право иметь церкви и собственных священников.

Что касается обязанностей по отношению к государству, то колонисты по истечении их десятилетнего пребывания в стране были поставлены в такое же положение, как и налогоплательщики страны. Все же «Устав», во-первых, подчеркивает, что беженцы не будут платить по сложной системе общинного налога, как платят местные жители, а каждый за себя. Во-вторых, молдавский «Устав» особо постановляет, что кроме обычных налогов и тех 4 бань для общественных сельских касс, беженцы не могут быть обременены никакими другими налогами или набавлениями, которые налагались в большом количестве на местных жителей. Даже в

¹⁹ Государственный Архив, Бухарест, *Visteria* папка 203/831 фоллио 329—332.

отношении обязательств колонистов перед помещиками «Устав» ясно предвидел, что оброки помещикам должны быть отработаны так, чтобы земледельческие работы выполнялись одновременно как на земле помещиков, так и на земле болгарских беженцев, что почти никогда не предоставлялось местному населению. Наряду с этим надо отметить очень выгодные условия оплаты за рабочий скот, предоставляемый помещиками болгарам. Все же несмотря на все сказанное выше, мы должны сделать ряд оговорок.

Если в Молдавии довольно определенно было установлено необходимое число работ для 24 рабочих дней, охранявшее тем самым беженцев от злоупотребления помещиков, арендаторов или чиновников, то в Валахии неточное их количество давало широкие возможности всяким злоупотреблениям. И это происходило постоянно. Жалобы беженцев, адресованные местным уездным властям, лично Киселеву или господарям Александру Гика и Георгию Бибеску, многочисленны. Они свидетельствуют об злоупотреблениях помещиков и, в особенности, всех мелких чиновников. Объемистые папки заключают в себе прошения болгар, которые изъявляют желание вернуться за Дунай в села и города, из которых они пришли. Другие беженцы начинают ряд судебных процессов, которые длятся годами. Интересно подчеркнуть, что многие беженцы были обмануты даже соотечественниками, пришедшими раньше и создавшими себе выгодное материальное положение: сколотили себе состояние, приобрели имения или боярские титулы. Один из самых характерных случаев, — это случай с казначеем Андреем Дешу. Помещики или арендаторы, болгары, греки или румыны, как казначей Дешу в Рошиорах и Александрии, Христофор Сакелари в Берясе, Хаджи Моску в Дудештах и многие другие стараются завлечь и поселить у себя в имениях на основе «Устава», который предусматривает соглашения и контракты по «обоюдному согласию», для всех беженцев, представляющих собой ценную рабочую силу. Даже «Устав» указывает, что поселение болгар идет на пользу помещикам. Некоторые из них настолько были охвачены желанием поселить беженцев в своих имениях, что принимали заранее меры. Хаджи Моску, самый предприимчивый из них, при известии о массовой эмиграции, не ждал прихода беженцев, а посылал людей за Дунай и на Балканы, прямо в Сливен, чтобы там нанять рабочих для своего имения в Дудештах.

Все эти злоупотребления объясняют лишь частично многочисленные прошения болгар о возвращении за Дунай. Возвращение некоторых беженцев вызвано и другими причинами внешнего порядка, которых мы опять-таки не будем касаться.

Из-за этих злоупотреблений некоторые болгары, осевшие в деревнях покидают села и переселяются в города, переходя от земледелия к ремеслам и торговли, как утверждает это «Извещение» 1834 года. Действительно болгары, живущие в городах, находятся в лучшем положении. Их

жалобы прошения или репатриации более малочисленны, чем жалобы сельских беженцев. Опытные ремесленники и торговцы, трудолюбивые и экономные, они скоро создают себе материальное положение, которое дает им возможность участвовать в политической и культурной жизни болгарских эмигрантов, деятельность которых была хорошо известна во второй половине XIX века.

«Устав» 1830 года подробно характеризует одну из многочисленных форм, в которой проявилась русская помощь болгарам вообще и особенно болгарам, осевшим в наших княжествах. Документы того времени ясно указывают, что это происходило по ходатайству генерала Киселева. Эти же документы показывают, что все прошения беженцев, адресованные Киселеву, получали поддержку и принимались с большой доброжелательностью, которую он проявлял к этим людям, покинувшим родину, чтобы спастись от турецкого ига. В то же время они свидетельствуют о широком гостеприимстве, которое было им оказано в нашей стране, где они попали в гораздо лучшие условия жизни, чем местные жители, и где часто, по свидетельству руководителей политического и культурного болгарского движения, они находили вторую родину.

«Устав» для болгар 1830 года, используемый в той или иной мере, является первым подобного рода законодательным документом в наших княжествах.

В нем есть целый ряд недочетов и неточностей, которые объясняются смутным временем, в которое он был создан. Совсем иначе представляется болгарский «Устав» 1858 года, касающийся болгар юга Бессарабии, области, которая по Парижскому Мирному Договору от 1856 года была присоединена к Молдавии. Это настоящий свод законов, содержащий не менее 336 статей, разделенных на специальные главы, касающиеся прав и обязательств, хозяйства, культуры, нравов, юстиции и т.д.²⁰.

Все же со всеми недочетами «Устав» 1830 года представляет существенную, ценную помощь, которая была оказана болгарам, бежавшим от турецкого владычества, и представляет собой прекрасную страницу румыно-русской помощи болгарскому народу в это время.

²⁰ P. Constantinescu-Iași, *Studii istorice romîno-bulgare*, Бухарест, 1956 год, стр. 18—271